

ОТ РЕДАКЦИИ «ЛП» не раз писал о Великой Октябрьской революции, как революции рабочей и крестьянской. Наши читатели знают также, что в результате Октябрьского переворота в стране возникла и некоторое время существовала «демократическая диктатура пролетариата». Однако, ко времени НЭПа, она сошла на нет. Что же получилось в результате? В каком направлении развивался СССР? Чтобы всерьез ответить на этот вопрос, последователи Маркса обращаются к основе жизни общества - материальному базису. Ведь зеркало экономики отражает саму суть социальных явлений. Так давайте же в него заглянем!

лика Советов не была классической буржуазной республикой. Как уже отмечалось, это было государство опирающееся, вначале, на два класса и проводившее на деле **крупнокапиталистические реформы.**

Коммунисты, заняв историческое место класса буржуазии, не могли не переродиться. Это объективно. То есть «в интересах самого движения (большевистскому правительству пришлось - ред.) отстаивать ин-

ПРОЛЕТАРСКИЙ ОКТЯБРЬ КАК ЧАСТЬ РОССИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В своей работе «Крестьянская война в Германии» Энгельс писал: «Самым худшим из всего, что может предстать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он должен сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовых борьбы и порождающих ее условий; (...) Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными».

Если проанализировать с середины 1920-х годов тактику большевиков и их последователей по развитию крупной промышленности в СССР, то можно увидеть справедливость слов Энгельса.

После завершения гражданской войны и подавления Кронштадта, стоя перед опасностью крестьянских выступлений, большевики временно «уступили» крестьянству в экономической области. Но это не была уступка чисто экономической, это была уступка и политического характера. Государство, контролируемое большевистской партией, расширило крестьянский экономический уклад. Укрепив крестьян как класс, оно еще более сдвинуло в сторону провозглашенной в Октябре **двуклассовой рабоче-крестьянской власти.** Стало еще менее «рабочим».

Немного в истории было случаев, когда правящая партия выражает, в зависимости от политической ситуации, интересы того или иного класса, объективно становясь при этом как бы «надклассовой» партией «всех» классов, при содействии которых она пришла к власти.

Для экономического базиса не столь важно, кто явился политическим проводником определенного хозяйственного уклада. Экономический базис - понятие неодолеваемое и объективное, на него несколько не действуют заверения в «пролетарской» стоящей у власти партии. Ибо **характер политической власти** определяется не ее флагами, лозунгами и намерениями, а конкретными действиями в экономике. Базис диктует «конкретные действия» политической надстройки. Надстройка и базис обуславливают друг друга, но именно экономическая сторона этого диалектического единства является решающей. Невозможно на отсталых производительных силах, соответствующих мелкой и средней буржуазии, строить коммунистические производственные отношения и к тому же, в национальных рамках, говорить о социалистической природе надстройки. Социалистическая диктатура пролетариата, по научному выводу Маркса, может существовать только на базе соответствующей крупнокапиталистической промышленности.

Но после вынужденного реверанса в сторону крестьянства партия содействовала внедрению крупнокапиталистических производственных отношений как составной части крупнопромышленного производства. И это было для России прогрессом по отношению к очень отсталой, не идущей ни в какое сравнение с западной, национальной экономикой.

Партия большевиков, фактически, перестала быть пролетарско-коммунистической сразу же, как только по окончании гражданской войны она стала решать буржуазные задачи по развитию производительных сил. Хотя де-юре она продолжала иметь прежние название и руководящий состав. Развивая крупную промышленность (через курс на «государственный капитализм») и расширяя товарно-денежные отношения, ленинская партия по своему характеру (но не составу!) перестала быть «рабочей». По своему положению в развитии экономики ВКП(б) встала на место класса буржуазии. Но Респуб-

тересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными» - как и писал Энгельс. Свообразие ситуации было в том, что большевистская партия («отделялась фразами» не от одного, а от двух классов: пролетариата и крестьянства. Но при этом исполняла буржуазные общественные функции по развитию промышленности. Революционной надстройке не убежать от отсталого экономического базиса!

Несколько продлить жизнь «оторванной» от базиса надстройки может только новая политическая революция (переворот). Но для нее, для «второй волны», как правило, уже не остается революционных социальных сил. «Революционное сознание» может долететь над **материальной** экономикой лишь кратковременно. В историческом плане это всего лишь революционный «эпизод» в эволюционном развитии. Затем, когда реальность отсталой жизни гасит благородные порывы революционного сознания, неминуемо следует откат. Но конечная «остановка», оказывается, уже более продвинута вперед, чем до революции. Революции «лишь» расширяют путь для прогрессивного развития общества, безжалостно сметая все устаревшее и тормозящее. И в этом - их необходимая неизбежность в эксплуататорских обществах.

Индустриализация, укрупнение крестьянских хозяйств (коллективизация), культурная революция и т.п. советские достижения являются не чем иным, как продуктами буржуазного развития общества. С тем отличием, что в странах «классического» капитализма не использовались при этом красный флаг и марксистская фразеология, а задачи по развитию производительных сил решала «традиционная» буржуазия.

Даже первоначальное накопление капитала в отсталой экономике России, да еще разрушенной в ходе гражданской войны, происходило по «накатанной» европейскими странами схеме - в основном, за счет крестьянства. Не говоря уже о методах большевиков по развитию промышленности (включая, например, буржуазную систему оплаты наемного труда по Тейлору, сочетавшуюся с премиями для особо «ценных» руководящих работников»; активное приглашение зарубежного капитала и специалистов, и т.д. и т.п....)

Повторим, что большевики-ленинцы на деле выполняли задачи стоящие перед классической буржуазией. Других объективных задач в отсталой России не могло быть. И с этой, нерешенной самой буржуазией задачей по развитию производительных сил они справились успешно и за не имеющее аналогов короткое время! К примеру, меньшевистская партия на такие свершения была бы не способна.

Вполне справедливо, что ленинцам, а затем и сталинцам, в свое время, ставили много памятников. Памятники, как выдающимся практикам... **буржуазной** революционности. Речь здесь идет, понятно, об объективном, сугубо **материальном** аспекте развития Советской России (СССР). Понятно, что сами большевистские лидеры не считали себя буржуазными революционерами - они-то, в основном, нацеливались на европейскую социалистическую практику! Подобно тому, как лидеры и участники Парижской Коммуны сочли бы за оскорбление мысль В.И. Ленина о том, что антибуржуазные события 1871 года во Франции были завершающим актом цикла **буржуазных** революций (см. «Заметки публициста» ПСС, т.19).

И если называть сталинщину контрреволюцией, то таковой она является лишь в политическом и моральном плане. Для базиса же, не чувствующего и не видящего крови, пота и слез это был, несомненно, прогресс...

Проведен анализ национальных результатов Октябрьской революции в трех плоскостях: революции политической, революции «социально-структурной» и революции экономической.

Революция политическая. В октябре-ноябре 1917 года произошел коренной переворот всего государственного устройства России. Это была, несомненно, политическая революция. Хотя впоследствии Ленин и признал, что пришлось позвать на помощь старый государственный аппарат. Но это будет после, а в конце 17-го - начале 18-го, «триумфальное шествие Советской власти» отправило на слом старый государственный аппарат. По крайней мере, верхнюю его часть.

Революция «социальной структуры». Октябрьская революция позволила России совершить гигантский скачок в социальном развитии. За последующие, послеоктябрьские годы страна превратилась из отсталой аграрной в индустриальную. На что другие государства тратили много десятилетий, Советской России потребо-

валось несколько «пятилеток». Так, уже в 1940-му году доля жителей города и деревни почти сравнялась. В сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное хозяйство) было занято только 54% («Рабочий класс СССР», Э.В. Клопов, «Мысль» 1985, с.39). Между тем, за четверть века до того, накануне 1-й мировой войны крестьянство - в границах, установленных после Гражданской войны - насчитывало 109,1 млн. чел. т.е. 78% населения. («Великая Октябрьская социалистическая революция». Энциклопедия. М., 1977, с. 75, 276) Это был настоящий переворот, коренным образом образовавший социальную структуру советского общества. В социальном плане именно правящая коммунистическая партия произвела временную компрессию в процессе пролетаризации населения. Она, не изживала пролетариат как класс, а именно этого требует продвижение

к коммунизму. Она, по логике **буржуазного** развития СССР, наоборот, его **порождала!**

Революция экономическая. Большевики не произвели экономической революции. Перед СССР, как и перед Временным правительством, по-прежнему стояли буржуазные задачи по наращиванию производительных сил до промышленно-развитого капиталистического уровня. Способ производства, использующий товарно-денежные отношения, оставался в России (СССР), исходя из теории Маркса, капиталистическим. Большевики всегда активно использовали финансовые рычаги для развития крупнокапиталистической техники. Товарно-денежный механизм был для них инструментом в проведении крупнокапиталистических реформ. Большевики так и не передали экономической власть государству непосредственно в руки рабочего класса. Отсутствие объективных предпосылок к такому шагу не позволило самому рабочему классу непосредственно взять в свои руки хозяйственный механизм советского государства.

Ссылки на то, что класс буржуазии в капиталистических обществах также управляет не головною, а через свои представительные партии, не выдерживает критики. Буржуазия, имея в свои руках экономическую силу, а значит и политическую власть использует ее именно для сохранения и развития капиталистического способа производства, базой которого являются товарно-денежные отношения. В нашем случае «авангард пролетариата» в лице компартии **так-**

же активно использует для развития экономики капиталистический способ производства, базирующийся на товарно-денежных отношениях. Здесь, согласно марксизму, пролетариат (точнее, его рабочая сила) является одним из товаров. Именно в этом плане никакой экономической/социальной революции в России (СССР) не произошло. Наоборот, И.В.Сталину, как главному «архитектору» советского экономического чуда, пришлось выдвинуть в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» от 1952 года тезис о совместимости социализма и товарно-денежного механизма.

Пролетариат так и остался наемным классом, который вместо капиталистов нанимало государство.

Итак. Если подойти объективно (на минуту забыть о красном флаге революции, намерениях большевиков, героизме в гражданской войне и правящей коммунистической партии), Октябрьская революция на деле есть пролетарская политическая революция, не переросшая рамок национальной буржуазной революционности. Ибо именно буржуазные революции дают толчок индустриальному развитию с соответствующим изменением в социальной структуре общества. Через такие революции «прошли» многие европейские страны задолго до Октября. Специфика российской буржуазной революции заключалась в том, что она, по отношению к экономическому базису, была начата в январе 1905 года, вяло продолжена в феврале-марте 1917 года и продолжалась, с большей решительностью, после Октября под красным флагом и коммунистическими лозунгами.

Ошибочно думать, что буржуазные по характеру революции происходят в каждой стране лишь однажды, и движущей силой в них является класс буржуазии. Так в Германии в XIX веке произошли три революции, во Франции, включая конец XVIII века, четыре. Причем пролетариат почти во всех этих революциях играл большую роль. Это именно тот случай, когда пролетариат расширяет дорогу буржуазно-экономическому развитию; тот случай, когда его выступления есть лишь часть самих буржуазных революций.

В промышленно развитых, экономических сросшихся капиталистических обществах таких двойственных буржуазно-пролетарских революций уже быть не может. Там на очереди стоит только **пролетарская социальная революция мирового масштаба!**

По сути, исторический «зигзаг» в виде «социалистической» революции в России, как и политические революции, направленные против буржуазно-помещичьего абсолютизма в других странах (причем не всегда при социалистической, но и при исламской (Иран), или иной идеологии), позволил, путем концентрации капитала в руках государства, совершить скачок в национальном развитии экономики. А это в последующем неизбежно приведет к их включению в глобальную экономику, как объективный мировой процесс.

ВРЕМЯ «ГЛОБАЛЬНОГО» ПРОЛЕТАРИА

Национальный гнет возник или возникает в результате завоевания военными и экономическими методами территорий других народов или наций. В силу этого возникает двойной гнет - от захватчиков и от своего эксплуататора. Строго говоря, гнет все-таки один - классовый, возникший в результате отношений частной собственности. В нации, сформированной капитализмом - особенно развитым капитализмом - национальный гнет вырождается, и остается один гнет - классовый, порожденный капиталистическими отношениями. Перед пролетариатом данной нации стоит один вопрос - уничтожение буржуазии, наемного рабства. Объединение пролетариев с пролетариями других, тоже сформировавшихся, наций не только возможно, но становится необходимостью. Сформированная нация - показатель высокой развитости капитализма в данной стране. В странах Западной Европы, США, Японии, Прибалтике и т.п. нации сформировались полностью. В этих странах идет процесс формирования мировой буржуазной нации, но не по слиянию этносов той или иной буржуазии, а по слиянию Капитала всех этих стран. В этой нации влияние национальных перегородок (язык, границы, культура и пр.) практически отсутствует. Буржуазия становится интернационалистом!

Этой нации противостоит мировой пролетариат, который тоже разбивает все национальные перегородки. Для пролетариата этот мировой буржуй на одно лицо, будь он англичанином, африканцем или из Арабских Эмиратов. Пролетариату для решения своей задачи национальные перегородки уже не мешают, хотя буржуазия будет всегда вносить разногласия, вражду между пролетариями, но они в целом будут неэффективны. Мы это прекрасно наблюдаем когда, скажем, бастуют пролетариаты Франции (1998 г.), то забастовка переключается в Германию или в страны Бенилюкса. И, если это объединение пока происходит спорадически, то в этом виноваты марксисты этих стран и это зависит от уровня классового сознания пролетариев этих стран.

В СССР дело было посложнее. После поражения российской империи (1922 г.) СССР остался колониальной империей, причем с разными экономическими укладами. Капитализм находился на стадии первоначального капиталистического накопления, который был лишь прерван в период существования советской власти в условиях осажденной крепости. Была ли в СССР тогда нация? Нет! Капиталистической нации, нации развитого капитализма не было. В СССР развивался капитализм и шел процесс первоначального капиталистического накопления под аккомпанемент социалистических лозунгов. Наряду с этим шел процесс формирования капиталистических наций на всем СССР-ком пространстве. Во всех союзных республиках формировалась своя национальная буржуазия, этот процесс развивался и в автономиях, где было

развито промышленное производство (Татарстан, Башкортостан и т.п., даже Чечня). Развитие капитализма в СССР к 1990-м годам дошло до уровня, когда национальные буржуазии больше не хотели быть под диктатом «совокупного капиталиста», где российская буржуазия занимала главенствующую роль. Колониальный распад империи (СССР) был неминуем, он проходил стремительно. Война в Чечне - это продолжение распада. Сегодняшние российские путины это понимают очень хорошо и прилагают немалые усилия по удержанию Чечни, причем неуклюже и садистски. Впрочем, Чечня особый случай, её колонизация и её борьба за освобождение от колониального рабства - процесс давний, сложный, противоречивый и в определенном плане запоздалый.

Так называемый национальный гнет в распавшихся анклавах носит преходящий характер, он будет наверняка непродолжительным. Россия, Украина, Прибалты, например, стремительно вползают в общий европейский рынок. Капиталистическая нация в России, Украине, Белоруссии и т.п. практически сформировалась, и так называемый национальный гнет в его классическом понимании, исчезает, как он практически исчез в Европе. Остается один социально-экономический гнет, гнет национальных буржуазий своих пролетариев и экономическое поглощение слаборазвитых наций мировым капиталом. Путины, кучмы и пр. своей политикой показывают вектор дальнейшего капиталистического развития своих стран.

Дефицит населения в развитых нациях, начавшийся на Западе около 40 лет назад, в силу тяжелой демографической ситуации для основной нации и отражаемый дефицитом рабочей силы, приводит к заполнению этих стран дешевой рабочей силой разных национальностей из слаборазвитых капиталистических стран (Россия, Украина, Китай, арабский Восток). Этот процесс параллельно идет в России, Прибалтике, Украине. СССРовский Восток (таджики, узбеки, туркмены, чеченцы, грузины и пр.) в поисках работы и лучшей жизни мигрируют в бывшую метрополию. Можно ли это называть национальным гнетом? И да, и нет! Просто капиталисты Запада и России, в том числе, в целях получения максимальной прибыли используют дешевою рабочую силу мигрантов, упирая на их якобы неполноценность. Они разжигают национальную рознь, натравливая озлобленных падением жизненного уровня представителей основной нации. Пока это удаётся! Однако это вовсе не исключает, а даже, возможно, ускоряет процесс объединения разных наций. У буржуазии основной нации национальный козырь всё более и более обесценивается. Мы, марксисты, должны способствовать выбиванию его из рук этой буржуазии. Надо самим предварительно показать пример классового объединения в Интернационал, или на первых порах в создании национальных марксистских партий с единым интернациональным Бюро.

А. Правдин, Пермь
(печатается в сокращении)